

RU

Метафизическое и диалектическое в реальности мифа

Байков А. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление соотношения метафизического и диалектического в реальности мифа через определение особенностей развития и установления связей в ней. В статье выявляется динамический аспект мифологических событий, рассматривается специфика взаимодействия отдельных мифов, соотношение мифологического и исторического времени. Научная новизна исследования заключается в преодолении дихотомии «метафизическое/диалектическое» применительно к реальности мифа, предложении метафизической модели развития конструируемых реальностей. В результате доказано, что мифу присуща особая динамика, сочетающая метафизический и диалектический аспекты, выявлена модель развития мифологической реальности, основанная на связях, опосредованных мифемами и архетипами, обретающая временные характеристики за счет включения в структуру действительности.

EN

Metaphysical and dialectical aspects in the reality of myth

Baikov A. A.

Abstract. The aim of the research is to identify the relationship between the metaphysical and dialectical aspects in the reality of myth by determining the characteristics of its development and establishing connections within it. The paper reveals the dynamic aspect of mythological events, examines the specificity of the interaction between individual myths, the relationship between mythological and historical time. The scientific novelty of the research lies in overcoming the dichotomy of the metaphysical/dialectical in relation to the reality of myth and proposing a metaphysical model for the development of constructed realities. As a result, it has been proved that myth possesses a unique dynamics that combines metaphysical and dialectical aspects. A model for the development of mythological reality based on connections mediated by mythemes and archetypes, which acquires temporal characteristics through its inclusion in the structure of reality, has been identified.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена обращением к непреходящему вопросу о соотношении метафизической и диалектической интерпретации разных форм бытия и приложением его к реальности мифа, природа которой также остается предметом дискуссий. Хотя научное мировоззрение установило монополию диалектической интерпретации объективной реальности, ряд феноменов сознания и культуры (сон, миф) явно демонстрируют метафизический аспект, требующий изучения. Прояснение закономерностей реальности мифа необходимо не только для постижения образа мыслей предшествующих культур, но и для осознания сохраняющейся мифологической составляющей мировоззрения современного человека.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить свойства мифа, выражающие его метафизический и диалектический аспекты;
- рассмотреть связи, объединяющие отдельные мифы, события и объекты мифологической реальности;
- проанализировать особенности изменения и развития реальности мифа в контексте мифологического времени.

Материалом для исследования послужили мифологические произведения, сборники легенд, сказаний и народных песен разных культур, среди которых следует отдельно указать следующие:

- Амфитеатров А. В., Орлов М. А. Дьявол. История сношений человека с дьяволом. М.: ВНК; Наука, 1992;
- Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М.: Современные проблемы, 1914;
- Сканда-пурана. Возвращение низвергнутых богов. М.: Амрита-Русь, 2008;
- Калика-пурана. Избранные места из ритуальной части. Калининград: Санатана Дхарма, 2009;

- Карело-финский народный эпос: в 2-х кн. М.: Восточная литература, 1994. Кн. 2;
- Кодзики. Записи о деяниях древности. СПб.: ШАР, 1994;
- Meyer M. *The Hour of Meeting Evil Spirits*. Echizen: Matthew Meyer, 2015.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные изучению логики мифа (Голосовкер, 2010; Хюбнер, 1996), структурному анализу мифологического повествования (Пропп, 2001; Кемпбелл, 1997; Барт, 2014). Особое внимание уделяется «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева (2001), напрямую затрагивающей проблему соотношения метафизического и диалектического в мифе.

Для решения поставленных задач в статье применяются следующие методы исследования: структурный и сравнительный анализ конкретных мифов, используемые для выявления универсальных элементов и характеристик мифа; феноменологический подход, позволяющий рассматривать миф как отдельную реальность, абстрагируясь от вопроса о его онтологическом статусе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут стать основой дальнейшего изучения сущности мифа, формирования метафизической модели развития, которая, предположительно, может быть применена и к иным конструируемым реальностям, а также могут быть использованы при разработке курсов дисциплин «Сравнительная мифология», «Философия мифологии».

Обсуждение и результаты

Традиционно в философском познании мира проводится различие двух основополагающих подходов – метафизического и диалектического. Данные подходы не только определяют методологическую сторону исследования любого предмета, но и задают определенные интерпретации реальности, которая рассматривается либо как дискретная совокупность независимых друг от друга объектов, существующая вне времени или не демонстрирующая с течением времени значимых изменений (метафизическая интерпретация), либо как система объектов взаимосвязанных, постоянно находящаяся в качественном развитии (диалектическая интерпретация). Возможны случаи, когда предмет изучения допускает обе интерпретации (например, относительно его разных аспектов или элементов), но и тогда, в зависимости от характера предмета и предпочтений исследователя, один из подходов будет доминировать. Несмотря на безусловное преобладание диалектики в научном познании окружающей действительности, различие метафизического и диалектического подходов неизбежно сохраняется при рассмотрении реальности сновидений, измененных состояний сознания, культурно-конструируемых реальностей, в том числе мифологических систем.

Однако в случае анализа реальности мифа сведение к одному из этих подходов и даже выбор главенствующего, на первый взгляд, затруднительны, так как метафизичность мифа, задаваемая его вневременным и фрагментарным характером, сочетается с присутствующим в нем принципом развития, отличным как от диалектического качественного развития, так и от механического количественного изменения, которое в противовес иногда обозначается как «метафизическое» (Мороз, 1951).

Метафизический аспект реальности мифа заключается в его обособленности и несистемности, вечности и повторяемости мифологического прасобытия. Во-первых, каждый мифологический нарратив существует вне связи с другими (если такие связи не были приписаны современными мифологами и писателями) и является самодостаточным. В мифе о конкретном деянии героя могут быть неважны другие известные его подвиги, его происхождение, предшествующая жизнь встречаемых им персонажей – вся история посвящается конкретному событию, логике которого подчиняются все элементы повествования. Более того, отдельные нарративы зачастую вступают в противоречие друг с другом, где одни и те же деяния приписываются разным акторам (в качестве примера можно привести карельскую руну, в которой акт похищения Солнца, традиционно относимый к злой колдунье Лоухи, совершает Иисус Христос (Карело-финский народный эпос, 1994, с. 385)), одному и тому же явлению приписываются разные истории происхождения, герои демонстрируют противоположные черты, свойства, события, связанные с ними, излагаются по-разному (например, колдунья Такийаша-химэ из японских легенд получает магические силы то посредством целенаправленного свершения ритуала, то при случайной встрече с колдуном Никушисен, который, в свою очередь, представляется то человеком, то духом-лягушкой (Meuer, 2015)). Видеть в этом противоречии логическую ошибку не следует, так как каждый отдельный мифологический нарратив выступает в качестве закрытой монады. Во-вторых, прасобытие мифа не является историческим, так как не входит в единый исторический процесс, находясь либо вне времени, либо в особом изначальном времени. Миф демонстрирует цикличность, и прасобытие должно происходить всегда, вновь актуализируясь в новых мировых циклах (например, в индийских представлениях о повторении ключевых событий в каждой новой махаюге), в праздничных ритуальных действиях (так вход Иисуса в Иерусалим повторялся как внеисторическое событие в «шестивии на осляти»), в практиках инициации (примером может служить воспроизведение в обряде инициации африканских племен манджа и банда истории о людоеде Нгакола, возрождающем преобразованными поглощенных им людей) (Элиаде, 2010, с. 106). Хотя А. Ф. Лосев (2001, с. 130) указывает на историчность мифа, он, предположительно, имеет в виду скорее возможность приложения мифического события к истории и обесценивание его при отрицании данной возможности, чем непосредственную включенность в историю. Более того, описываемое мифом событие обычно (хотя и не всегда) относится к моменту, в буквальном смысле доисторическому, не охватываемому письменной историей, а его возвращение следует расценивать не как временную повторяемость, но как бесконечность.

Однако в мифе есть динамический аспект. Во-первых, само мифологическое событие описывается как последовательность связанных действий, а по форме мифологический нарратив не всегда отличается от изложения последовательности исторических или бытовых событий прошлого (например, структура волшебной сказки, по В. Я. Проппу (2001, с. 21), выступает в форме последовательности функций, выраженных в нарративе в форме событий). Тем более человек, воспринимающий миф и верящий в подлинность его содержания, мысленно располагает прасобытие и его возобновление на линии времени.

Во-вторых, хотя связь или временная последовательность между мифами зачастую отсутствует, динамический аспект проявляется в связи мифа и реальности. Так, мифы о происхождении объясняют те или иные явления или их свойства через обуславливающие их прасобытия, как предшествующие им и логически, и во времени (например, реальное человечество существует как результат акта предисторического сотворения человека божеством). Также вечность прасобытия при воплощении его в ритуальных действиях переводится во временные координаты. Космогонические и культурные мифы воплощают собой идею развития, демонстрируя постепенное совершенствование мира и человечества. Если попытаться убрать динамический аспект из мифа, он превратится в систему архетипов, которым приписывается объективное существование, – в подобие Гиперурации Платона.

Развитие в мифе и развитие объективной реальности, каким его видит современный человек, различаются прежде всего характером связей и изменений. Можно выдвинуть предварительную гипотезу о мифе как принципе развития без потребности во внешних связях и без сущностных изменений. Речь идет не о количественном изменении в противовес качественному, но о разворачивании уже определенного (иногда уже свершившегося) итога. Мироздание, его принципы и события в мифе словно предшествуют своему становлению.

Нельзя сказать, что в мифе нет логики и связей. Напротив, миф подчиняется играющим в нем роль законов мифемам (разрушение должно предшествовать созданию нового, смерть героя не бывает случайной, власть имеет божественную природу (Барт, 2014)), внутри него наличествуют причинно-следственные связи (в японской мифологии Ниниги-но микото отвергает старшую дочь бога гор и этим предопределяет скоротечную жизнь людей (Кодзики, 1994, с. 88)), связи через судьбу и рок (рождение индийского младенца-богатыря Сканды предопределено существованием демона, которого может убить только ребенок (Скандапурана..., 2008, с. 106)), через подобие (например, многие мифологические традиции предполагают возможность причинения вреда человеку через манипуляции с его изображением (симпатическая магия)), имя (в средневековых легендах человек, обещавший отдать дьяволу душу, когда посетит определенный город (Рим, Иерусалим), гибнет в другом месте, носящем название этого города (Амфитеатров, Орлов, 1992, с. 120)) и др. В конкретном нарративе эти связи могут нарушаться, но сложно однозначно сказать, является ли это проблемой мифа как такового или способов его трансляции. Нарушение привычной логики может быть обусловлено наличием альтернативной логики мифа, которая также системна (например, по Я. Э. Голосовкеру (2010, с. 114), логика мифа выстроена вокруг закона желаяния).

Проблема кроется в отсутствии связи мифа с другими мифами. Это не полная замкнутость. Конкретный миф обусловлен архетипами, общими представлениями, закономерностями мифологического мышления, реальными явлениями, отраженными в мифе; однако каждый мифологический нарратив устанавливает эти связи отдельно, не образуя общей системы с другими нарративами. Если искать связь между отдельными мифами, ее можно найти не в системе «нарратив – нарратив», но в системах «нарратив – мифологические представления – нарратив» или «нарратив – реальность – нарратив». Таким образом, только пересечение с внемифологической реальностью дает мифу связи.

В то время как развитие объективного мира мы объясняем через изменение, появление нового, развитие в мифе происходит иначе. Многие мифологические традиции исходят из принципа повторяющегося цикла. Изменения, как правило, осуществляются в пределах этого цикла, не внося нового, повторяя путь, пройденный в бесчисленном количестве предыдущих циклов. Ничего не меняется, есть лишь вечная программа, которая развивается в течении мирового цикла и перезапускается при апокалиптических событиях. Кроме того, мифологическое мышление часто рассматривает текущее состояние мироздания как пик, окончательный результат прасобытий, после которого изменения будут происходить уже в форме деградации до начала нового цикла.

Полностью исключать изменения нельзя, так как есть примеры включенности идеи нового в концепцию циклов. Такую ситуацию демонстрирует индийское сказание Калика-пурана (2009, с. 14): в каждой махаюге богиня Дурга убивает в бою демона Махишу, но в один из циклов узнает в нем воплощение своего супруга Шивы и отказывается сражаться. Тем не менее Шива сам просит убить его, чтобы не нарушать предопределенное. Прасобытие «Махиша умирает от руки Дурги» в любом случае свершится, но то, как именно это будет осуществлено, составляет уникальный процесс развития, протекающий в данной махаюге. Можно сказать, что миф устанавливает отдельные ключевые события в качестве необходимых и неизменных, в то время как дает относительную свободу в развитии иных событий и даже (впрочем, крайне редко) демонстрирует последовательное накопительное развитие в череде циклов, развитие «по спирали». То же можно отнести к ритуальным действиям, повторяющим прасобытие для сохранения его результата: хотя прасобытие повторяется, имеется страх перед тем, что оно не свершится.

Как и в случае со связями в мифе, здесь мы видим изменение не как присущее самому мифу, но как возникающее при его актуализации в реальном мире. Если абстрагироваться от актуализации, миф должен описываться исключительно метафизически, несмотря на идею развития. Можно сказать, что миф демонстрирует свою, метафизическую, модель развития внутри единой монады, причем не только начальная, но и конечная точка этого развития заранее известны. Миф отражает динамический аспект метафизического.

Вневременный характер мифа правильнее определить как сверхвременность, постоянство и вечность, потенциальную присущность любому временному моменту. В мифе нет разделения на временное и вечное, при этом ни то, ни другое не отрицается – каждое конкретное мифособытие имеет вечный смысл.

Это не значит, что миф не диалектичен, но диалектический элемент вторичен и подчинен метафизическому. Во-первых, диалектично раскрытие многоуровневых смыслов мифа (Голосовкер, 2010, с. 100), хотя это свойство не самой объективированной реальности мифа, а сознания, его осмысляющего. Во-вторых, в мифе действуют, по крайней мере частично, основные законы диалектики. Единство и борьба противоположностей в мифе является одной из ключевых мифем, оказываясь тем самым законом мифологической реальности; однако зачастую миф преподносит эти противоположности как вечные и неизменные либо демонстрирует их возникновение и формирование до окончательного состояния. Можно найти отдельные примеры работы в мифе закона двойного отрицания (например, в русской народной легенде «Кузнец и черт» (Афанасьев, 1914, с. 213) волшебное омоложение (синтез) достигается через смерть (антитезис к предшествующей жизни)). Однако закон перехода количества в качество не реализуется в привычной форме: зачастую в мифе количество не переходит в качество, но изначально тождественно ему (в японской мифологии восемь голов змея Ямато равны абсолютному количеству, бесчисленному множеству голов).

Мифологическая реальность сама по себе метафизична, при этом демонстрирует динамический аспект метафизики. Время как последовательность событий присутствует в мифе скорее в качестве средства связи своих внутренних частей, в остальном же его временем является неизменная неизмеримая вечность. Это отдельное время, обособленное от феноменального. В качестве примера выражения подобных представлений в самой мифологии можно назвать представление о «времени сновидения» австралийских аборигенов (Армстронг, 2005, с. 22), концепцию времени предков «замани» африканских племен (Андреев, 2016, с. 126), античное священное время (Хюбнер, 1996, с. 130). Человек живет в обычном бытовом времени, в то время как сверхчувственная реальность подчинена своему не диалектическому времени. Но при священнодействиях, в сновидениях и после смерти человек оказывается на пересечении этих реальностей, частично и полностью входит в иное время (либо это время входит в реальность). Таким образом, находясь в постоянном общении с реальностью феноменов, реальность мифа обретает диалектический аспект в основном в момент взаимодействия с ней. Можно предположить, что, рассматривая структуру времени мифа, нельзя говорить о ней как о циклической. Циклическое (или спиральное) время возникает именно при преломлении мифической реальности к реальности объективной, при пересечении двух времен. Возможно, непосредственное включение учения о мировых циклах в миф, которое мы наблюдаем, например, в индийских представлениях, является результатом теоретического внешнемифологического осмысления мифа.

Заключение

Итак, миф одновременно демонстрирует и метафизический, и диалектический аспект, что может быть интерпретировано двояко: через снятие данной дихотомии применительно к реальности мифа либо через введение представления об особой метафизической модели развития. Первая трактовка лучше подходит для рассмотрения мифологической и исторической реальностей как частей единой неразрывной системы, где именно проекция мифа на историю наделяет его диалектическими чертами. Вторая трактовка позволяет описать миф в чистом виде, вне приложения к актуальной жизни людей и историческому процессу: она демонстрирует возможность развития (или, по крайней мере, модели развития) вне связей, вне потери исходной сущности, развития, возвращающего объект к самому себе, своей абсолютной форме.

Данный вывод порождает перспективы для дальнейших исследований. Можно допустить существование иных реальностей, проявляющих аналогичные особенности; таковыми могут оказаться реальности сна и иных измененных состояний сознания, конструируемые реальности (реальность художественного произведения, виртуальная реальность). Кроме того, обнаружение в мифе метафизической модели развития может служить шагом к реабилитации метафизики в современном мире.

Источники | References

1. Андреев И. Л. Африканская парадигма времени. Особенности отношения ко времени у народов, живущих южнее Сахары // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3.
2. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый мир, 2005.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2014.
4. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010.
5. Кемпбелл Дж. Тысячеликий герой. М. – К.: РЕФЛ-бук; АСТ, 1997.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
7. Мороз К. В. Развитие как переход количественных изменений в коренные качественные изменения. 1951. <https://istmat.org/node/36828>
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.
9. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
10. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010.

Информация об авторах | Author information**Байков Александр Алексеевич¹**, к. филос. н.¹ Истринский профессиональный колледж – филиал ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»**Baikov Aleksandr Alekseevich¹**, PhD¹ Istra Professional College – branch of the State University of Humanities and Technology¹ gajasura@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 10.09.2023; опубликовано online (published online): 19.10.2023.

Ключевые слова (keywords): реальность мифа; мифологическое событие; мифема; метафизическая интерпретация форм бытия; диалектическая интерпретация форм бытия; reality of myth; mythological event; mytheme; metaphysical interpretation of forms of being; dialectical interpretation of forms of being.